

КОГНИТИВИЗМ И НОНКОГНИТИВИЗМ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВА

Н. Сатохина

*Национальный университет «Юридическая академия Украины имени
Ярослава Мудрого»,*

г. Харьков, ул. Пушкинская, 77, e-mail: satokhina@mail.ru

С такими понятиями, как доказательство или объективная истина, юристам приходится сталкиваться ежедневно. Став неотъемлемой частью юридической терминологии, эти концепты, эпистемологические по своей сути, в свою очередь, определяют и структуры правового мышления. Поэтому правосудие нередко понимается как исключительно когнитивный процесс по аналогии с научным познанием. Но так ли это? Является ли вообще правовое суждение результатом познания? И какая роль отводится при этом тем субъектам процесса, которые являются по сути только объектами такого познания? Какой вес имеют права и свободы этих лиц, если на другой чаше весов – объективная истина по делу?

Представляется, что ответ на эти вопросы зависит от того или иного представления о природе правовой реальности в целом и ее антропологической составляющей в частности. Один из срезов последней связан с полемикой когнитивизма и нонкогнитивизма, которая и стала отправной точкой в осмыслении заявленной проблемы.

Когнитивизм и нонкогнитивизм

Под когнитивизмом здесь понимается методологический принцип, согласно которому сознание в целом и во всех своих проявлениях может быть сведено к знанию и познанию. В гуманитарных исследованиях когнитивистский подход проявляется в использовании эпистемологических концептов (истина, теория, доказательство и т.д.) для постановки и решения ценностных (этических, прагматических и др.) проблем. Эта тенденция, получившая название «когнитивистской ошибки», была выявлена и подвергнута критике нонкогнитивистами, представляющими различные философские школы XX века.

Они утверждали, что ценностные суждения (моральные, правовые, эстетические, политические и др.) органически связаны с теми феноменами психики, некогнитивность которых общепризнанна, поэтому такие суждения нерелевантны и соответственно не могут быть истинными или ложными. В свою очередь, когнитивисты прибегают к следующему аргументу: если принять идею некогнитивности ценностных суждений, то мы лишимся возможности различать истинные и мнимые ценности и окажемся беззащитными перед моральным релятивизмом.

Сегодня практически вся исторически сложившаяся гуманитарная проблематика выстроена на когнитивном фундаменте. Даже при уверенном разграничении знаний и ценностей вообще они нередко смешиваются при рассмотрении конкретных вопросов, поскольку рассуждения строятся сообразно принятым (когнитивистски ориентированным) понятиям и схемам. Это следствие «когнитивистской ошибки» один из исследователей когнитивизма Л. В. Максимов называет ценностно-познавательным эклектизмом, усматривая конструктивный потенциал некогнитивизма в последовательном различении ценностных и познавательных составляющих гуманитарных дисциплин и соответствующей переинтерпретации старых проблем [1, с. 13 – 18].

Природа правового суждения: герменевтическая версия некогнитивизма

В подобном некогнитивистском ключе основатель «фронетической социологии» Бент Фливерберг констатирует крах социальных наук и утверждает, что реабилитация их возможна сегодня только в качестве наук фронетических (направленных на дискурсивное обсуждение вопросов ценностей и власти), которые он противопоставляет наукам эпистемическим (построенным по аналогии с естественными науками) [2, р. 1 – 8]. Идея Фливерберга основана на аристотелевском различии между *episteme* (научным знанием), которое выражается в *theoria*, *techne* (знанием в сфере творчества), выраженным в *poiesis*, и *phronesis* (морально-практической мудростью относительно правильных действий в ситуации), выраженным в *praxis* (VI, 1139 b и далее) [3]. *Episteme* касается вещей,

которые не могут быть иными, чем они есть, *techne* и *phronesis* – наоборот, относятся к вещам изменчивым и предполагают творческую активность. При этом *techne* – сфера производства, тогда как *phronesis* – сфера действия (VI, 1140 а).

Так какую же форму опыта представляет собой высказывание права при конкретных обстоятельствах – теоретизирование, творчество или моральное действие? С одной стороны, там, где имеет место человеческое действие, в том числе моральное, политическое, историческое либо правовое суждение, всегда речь идет о фронетической проблематике, или о герменевтике применения, поскольку каждый случай уникален и, таким образом, суждение неизбежно представляет собой инновацию по отношению к существующей традиции. Вместе с тем, речь идет не о том, чтобы вытеснить теорию на обочину, а, скорее, о восстановлении изначального равновесия между теорией и практикой. Так, анализируя Аристотеля, один из основателей философской герменевтики Ханс-Георг Гадамер обращает внимание на то, что современное технологическое сознание, разделяющее теорию и практику, деформирует социальную жизнь. Воплощением же утраченного равновесия между ними является фронетическое понимание, которое составляет альтернативу строгому эпистемологическому познанию и показательным примером которого является осуществление права. В этом случае теория понимается как компонент динамической практики осуществления права, форма участия в ней, но в то же время и осмысление этой практики. Иными словами, *phronesis* одновременно охватывает и знание, и опыт, и действие, в отличие от *techne*, где ремесленник вначале, например, постигает идею стола, затем получает опыт в изготовлении стола, и только после этого производит стол [4, с. 375 – 382]. Понимание, опосредующее осуществление права, имеет фронетическую природу, поскольку всякий раз охватывает не просто теоретическое осмысление правовой традиции (здесь – в значении «горизонта понимания», или совокупности «предрассудков», составляющих «предпонимание»), но также применение ее к конкретной правовой ситуации с целью практического разрешения последней, будь то реальная ситуация в суде или гипотетическая ситуация, смоделированная законодателем, ученым-

правоведем или студентами в аудитории. Таким образом, знание и действие в данном случае неразделимы.

Рассматривая *phronesis* как фундаментальную форму опыта, в котором цели и средства одновременно определяются в практической ситуации, Гадамер называет его опытом в собственном смысле слова, который есть нечто большее, чем понимание той или иной ситуации. Он всегда включает в себя возврат к чему-то, в чем мы ранее заблуждались, момент самопознания, осознание пределов человеческого бытия. Иными словами, *phronesis* не только отделяет себя от *techne*, но также действует как критика всякого чисто когнитивного мышления будучи «опытом человеческой конечности», «опытом собственной историчности» [4, с. 426].

В юриспруденции такая позиция представлена критической правовой теорией. Так, Френсис Дж. Мутс III в качестве модели взаимодействия юридической теории и практики рассматривает постмодернистский подход в психотерапии: психотерапевт усваивает теоретические положения для того, чтобы помочь своему клиенту, но он не претендует на то, чтобы избежать своей герменевтической вовлеченности в диалог с последним. Постмодернизм отказывается от традиционной концепции психоанализа как всеобъемлющей теории, позволяющей аналитику выявить неврозы пациента. Вместо этого принимается позиция «не-знания»: критическое измерение терапии помещается в диалог с клиентом, который направлен на восстановление его равновесия, а не в попытке управлять клиентом с позиции теоретически гарантированного превосходства. В свою очередь, психотерапевт лишь облегчает для пациента участие в подлинном диалоге как совместном открытии, а не выносит диагноз по теоретическому шаблону. Это основанная на теории практика, поскольку она зависит от общих представлений о природе разговорного обмена, но это теория в неоаристотелевском смысле, которая взаимодействует с практикой не с позиции внешнего наблюдателя, а как ее непосредственный участник [5, р. 144 – 151]. Подобным образом осмысление правовой ситуации никогда не может быть просто *techne*, которое эту ситуацию производит, но всегда есть диалог. Используя в качестве модели для критической правовой теории работу

постмодернистских психотерапевтов, Мутс пытается продемонстрировать, что право представляет собой не понятие, которое надлежит прояснить, а повествовательно структурированный социальный процесс, в котором участники юридической практики высказывают свои страхи и опасения подобно пациентам психоаналитика. Отсюда следует, что целью теории является не создание идеального правового нарратива с тем, чтобы перенести его в практику, а активность теории в творческом нарративе права как преодоление статических конвенций, и таким образом предоставление возможности более удовлетворительного участия в непрерывном процессе создания и трансформации правовых смыслов [5, p. 151].

Правовая герменевтика и эпистемология права

Таким образом, правовая герменевтика представляет собой одну из версий нонкогнитивизма в юриспруденции, подчеркивая некогнитивную природу правового суждения, которое соответственно не может быть рассмотрено в терминах эпистемологии. При этом основные отличия правовой герменевтики от классической эпистемологии права состоят в следующем:

1. Герменевтика предполагает открытость читателя тексту и желание прислушаться к нему, активную вовлеченность. Этот элемент вслушивания является частью понимания, в отличие от познавательного элемента объяснения. В ходе последнего субъект изучает пассивный объект познания. В герменевтике же сам текст, который субъект пытается понять, раскрывает сущность и опрашивает понимающего. Так, например, различные версии толкования положения ст. 8 Конституции Украины, в которой речь идет о верховенстве права, обусловлены различным правопониманием и таким образом разделяют интерпретаторов на позитивистов и непозитивистов. И в этом смысле можно сказать, что не мы толкуем право, а право толкует нас.

2. Если эпистемология пытается решать философские проблемы вне связи с причинами, породившими их, то герменевтика ориентирована на рассмотрение насущных вопросов в контексте цепочки вопросов-ответов, которая отражает ситуации, непосредственно заимствованные из повседневной жизни. Так, всякий

закон имеет всеобщий характер и потому не может охватить практическую действительность во всей ее конкретности. Именно в этом, по мнению Гадамера, и состоит подлинная проблема юридической герменевтики: образцы поведения не являются вечными и неизменными, но и не являются простыми конвенциями, отражая природу вещей, и дело лишь в том, что эта последняя определяет себя всякий раз только в применении [4, с. 375 – 379]. И в этом смысле справедливость возможна только как справедливость конкретного случая.

3. Герменевтика иначе решает вопрос о точке отсчета понимания. Если классическая эпистемология основана на допущении Декарта, что отправным пунктом всякого познания является сомнение, то в герменевтике место сомнения занимает предпонимание. Иными словами, мы не можем занять непредвзятую позицию «над правом», а всегда обнаруживаем себя частью определенной правовой традиции, которая и определяет наше предпонимание.

4. В отличие от теоретического познания, герменевтическое понимание всегда является одновременно и теоретической, и практической деятельностью, ориентированной не только на абстрактное осмысление правовой реальности, но и на применение права к конкретной правовой ситуации (реальной либо гипотетической).

Таким образом, правовая герменевтика представляет собой более адекватный подход к осмыслению правового суждения, чем эпистемология права, поскольку в полной мере соответствует некогнитивной природе последнего.

Когнитивистская и некогнитивистская модели правового суждения

Вместе с тем, в юриспруденции когнитивизм обычно не является предметом экспликации или обсуждения, а просто практикуется, что проявляется в смешении рациональных операций, характерных для познания и понимания. В познании эта процедурная составляющая представляет собой объяснение, а в понимании – обоснование, или оправдание. При этом объяснить что-либо – значит ответить на вопросы, что оно собою представляет, почему оно именно такое, а не другое, почему оно существует или осуществляется и т.п.; обосновать положение – значит ответить на вопрос, почему (на каком основании) его следует

принять, согласиться с ним. Таким образом, познание всегда направлено в прошлое, в то время как горизонтом понимания является будущее.

Применительно к идее справедливости, речь идет о ее ситуативности. Так, по мнению Поля Рикёра, истинностное измерение правового суждения здесь может быть сформулировано в терминах приемлемости. Это своего рода ситуационная очевидность в констатирующем смысле, уверенность, согласно которой в данной конкретной ситуации данное конкретное решение является наилучшим, единственно возможным. Это очевидность того, что уместно сделать здесь и сейчас [6, с. 233 – 248].

И эта уместность определяется не объективным положением дел, а общностью устремлений субъекта суждения и того, для кого оно значимо. Ведь здесь речь идет не обо мне, а о ком-то другом: вынося суждение, один человек полностью переносится в конкретную ситуацию, в которой находится и должен действовать другой. И человек способен на такое суждение не потому, что он сведущ во всем происходящем с другим, но потому, что он также «стремится к справедливому и связан с другим этой общностью устремлений» [4, с. 381 – 382].

Смешение же причинного объяснения и рационального обоснования правового суждения не в последнюю очередь обусловлено особым характером объекта, с которым мы имеем дело. Ведь очевидно, например, что законы природы, представляющие собой высказывание о сущем, не требуют обоснования, нуждаясь только в объяснении. В то время как правовое суждение, будучи суждением о должном, есть результат обоснования, о чем свидетельствует уже сам принцип состязательности сторон. При этом речь идет не о познании истины, а об «отстаивании сторонами их правовых позиций». В этом же контексте нужно рассматривать и судебные компромиссы: мировое соглашение сторон, сделка о примирении между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым, сделка между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании вины. В данном случае некогнитивный характер правового суждения очевиден. Интересно, что подобные институты существуют в рамках в целом когнитивистски ориентированного процессуального права. Таким образом,

законодатель демонстрирует принципиально различные подходы к пониманию природы правовой реальности вообще и правового суждения в частности.

Подводя итог, нужно отметить, что когнитивизм и некогнитивизм как два способа рассмотрения духовных феноменов представлены в юриспруденции двумя моделями правового суждения: модель познания по аналогии с научным познанием и модель понимания, имеющего своим горизонтом мир, опосредованном – суждение и точкой приложения – единичные ситуации. Осмысление этих моделей осуществляется соответственно в рамках эпистемологии права и правовой герменевтики, которые в этом смысле носят характер парадигмы правового мышления. При этом высокий гуманистический смысл правовой герменевтики состоит в том, что она всецело ориентирована на толерантность, диалог, примирение и минимизацию насилия во всех его формах, в чем отвечает сущности права и его предназначению.

1. Максимов Л. В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. – М.: РОССПЭН, 2003. – 160 с.

2. Flyvbjerg V. Making social science matter: why social inquiry fails and how it can succeed again. – Cambridge, 2001. – 205 p.

3. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – М.: Мысль, 1976 – 1984. – Т. 4, 1983. – С. 53 – 293.

4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

5. Mootz, Francis J. III. Law, hermeneutics and rhetoric. – Burlington: Ashgate, 2010. – 470 p.

6. Рикёр П. Справедливое. – М.: Гнозис, Логос, 2005. – 304 с.

КОГНИТИВИЗМ И НЕКОГНИТИВИЗМ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВА

Н. Сатохина

*Национальный университет «Юридическая академия Украины имени
Ярослава Мудрого»,*

г. Харьков, ул. Пушкинская, 77, e-mail: satokhina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена прояснению природы правового суждения в контексте когнитивистской и некогнитивистской парадигмы, которым, по мнению автора, соответствуют эпистемология права и правовая герменевтика, познание и понимание как модели правового суждения. При этом подчеркивается гуманистический смысл правовой герменевтики и ее связь с природой права.

Ключевые слова: когнитивизм, некогнитивизм, эпистемология права, правовая герменевтика, познание, понимание, правовое суждение.

COGNITIVISM AND NONCOGNITIVISM IN THE REALIZATION OF LAW

N. Satokhina

*National University «Yaroslav the Wise Law Academy of Ukraine»,
Kharkov, Pushkinskaya Str., 77, e-mail: satokhina@mail.ru*

Summary. The article is devoted to clarifying the nature of the legal judgment in the movement of the cognitivism and noncognitivism, which, in authors opinion, meet the epistemology of law and legal hermeneutics, cognition and understanding as a model of legal judgments. It emphasizes humanistic meaning of legal hermeneutics and its conformity to the nature of law.

Key-words: cognitivism, noncognitivism, epistemology of law, legal hermeneutics, cognition, understanding, legal judgment.